

32

На правах рукописи

УДК 008.001

Домрачев Денис Сергеевич

**СОВРЕМЕННАЯ ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА НЮНОШК:
ПРАКТИКИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Специальность: 24.00.01 – «Теория и история культуры»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата культурологии

28 ОКТ 2010

Санкт-Петербург
2010 г.

**Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры
ГОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена»**

Научный руководитель: Кандидат исторических наук, доцент
ШРАДЕР Татьяна Алексеевна

Официальные оппоненты: Доктор философских наук, доцент
ХЛЕВОВ Александр Алексеевич

Кандидат филологических наук, доцент
ЛИВАНОВА Александра Николаевна

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
научно-исследовательское учреждение
"Российский институт культурологии"

Защита состоится 01 ноября 2010 года в 15:30 часов на заседании Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.199.23 при Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена по адресу: 197046, г. Санкт-Петербург, ул. Малая Посадская, д. 26, ауд. 317.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена по адресу: 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48.

Автореферат разослан 23 сентября 2010 г.

Учёный секретарь Совета по защите
докторских и кандидатских диссертаций,
кандидат культурологии

С.А. Тихомиров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В Норвегии сложилась своеобразная языковая ситуация: там сосуществуют два официальных варианта норвежского литературного языка — bokmål (букмол; букв. «книжный язык») и nynorsk (нюношк; букв. «новонорвежский»)¹. Доминирующим вариантом является букмол (его используют 88%, ~ 4 000 000 норвежцев), отражающий особенности юго-восточных диалектов и датского письменного языка. Нюношк (12%, ~ 550 000) появился в XIX в. благодаря деятельности норвежского поэта и лингвиста Ивара Осена (1813-1896), синтезировавшего преимущественно западно-норвежские диалекты, и создавшего на их основе новую письменную норму. Решением Стортинга от 12 мая 1885 г. оба эти письменные варианты, как и их носители, имеют в Норвегии равные права. Предлагаемое диссертационное исследование посвящено изучению нюношк как уникальной письменной культуры. Исследуется идентичность сообщества нюношк, проявляющаяся в уникальных социальных практиках носителей этой письменной культуры.

Актуальность исследования определяется следующими основными причинами. Во-первых, проблематика взаимоотношений человека, языка и культуры по-прежнему остаётся перспективной для целого ряда направлений в отечественной и зарубежной науке. Исследования письменной культуры в России ещё только начинаются, что показывает, в частности, отсутствие разработанного терминологического и методологического аппарата для изучения данной проблематики. Во-вторых, нюношк, как феномен культуры, по-прежнему недостаточно исследован даже в самой Норвегии. Несмотря на то, что норвежский кейс уже давно привлекает к себе внимание исследователей различных дисциплин гуманитарного знания, культурологическая (или антропологическая) проблематика взаимоотношений двух письменных вариантов норвежского языка остаётся малоизученной. Господствующими подходами к исследованию этой проблематики до сих пор являются история, филология и лингвистика. Таким образом, эта работа, с одной стороны, находится в русле самых современных исследований письменной культуры вообще, а, с другой, — демонстрирует уникальность нюношк как феномена культуры Норвегии. Это позволяет по-новому взглянуть на базовые концепции культурной и языковой идентичности, а также межкультурной коммуникации.

1 До 1929 г. букмол и нюношк были известны под другими названиями. Букмол назывался «датско-норвежским языком», «фиксмол» (норв. «*fiksmål*» — «государственный язык»), или «официальным языком». Нюношк же был известен под названием «ланнсмол» (норв. «*landsmål*» — «язык страны»). Для удобства изложения материала два этих литературных языка Норвегии называются здесь и далее букмол и нюношк, вне зависимости от рассматриваемого исторического периода. Таким образом, внутренняя история развития нюношк не разделяется на: «период ланнсмол» и «период нюношк». Кроме этого, по ряду причин слово «нюношк» в данной работе не склоняется.

Объект исследования — современная (после 1990-х гг.) письменная культура нюношк. Но сам феномен нюношк, как и языковая ситуация в Норвегии в целом, отличается устойчивостью динамики своего развития на протяжении порядка 160 лет. Именно с этим обстоятельством связана специфика анализируемых в данной работе материалов разных лет, которые, на первый взгляд, могут не вполне соответствовать критерию современности. Как и любая недоминантная письменная культура, нюношк связан с определённой социальной группой (сообществом), частью культурной идентичности которого он является. Иными словами, те, кто используют нюношк как свой основной вариант (*hovudmål*), *nolens volens* создают релевантную общность с собственной культурной идентичностью.

Предмет исследования — культурная идентичность сообщества нюношк, проявляющаяся в уникальных социальных практиках носителей этой письменной культуры.

Цель исследования — изучить нюношк как уникальную письменную культуру Норвегии, в связи с чем задачи исследования определяются следующим образом:

1. Показать своеобразие нюношк как феномена культуры Норвегии:
 - 1.1. Рассмотреть предисторию возникновения нюношк в семиотической ретроспективе.
 - 1.2. Раскрыть значение научной и творческой деятельности И. Осена для культуры Норвегии.
 - 1.3. Проанализировать вектор развития нюношк в XX в.
2. Исследовать социальное пространство нюношк:
 - 2.1. Рассмотреть проблему «семиотической устойчивости» нюношк.
 - 2.2. Выявить социальную географию его распространения.
 - 2.3. Составить и проанализировать «социальный портрет» носителя этой письменной культуры.
3. Изучить культурное сообщество нюношк («Нюношкланн»):
 - 3.1. Проанализировать его идентичность.
 - 3.2. Выявить уникальные социальные практики этого сообщества.

Степень разработанности проблемы. Библиографическая база данного диссертационного исследования свидетельствует о степени разработанности отдельных вопросов, поднимаемых в этой работе. Так, исходя из цели, задач и структуры исследования можно выделить четыре основных тематических раздела:

Общие исследования письменности и письменной культуры:

Базерман Ч., Гельб И., Гуди Дж., Дирингер Д., Иллич И., Иннис Г., Кавалло Г., Онг В., Сандерс Б., Стрит Б., Уотт Й., Фридрих И., Хавишер Г., Хейвлок Э., Шартье Р. и др.

Изучение истории развития норвежского языка и, в частности, нюношк:

Альменнинген У., Берков В.П., Бюберг Л., Вессен Э., Викёр Л., Винье Ф.-Э., Грестад О., Лиен О., Мейе А., Рамсфьелль Б., Саннёй Х., Сейп Д., Стеблин-Каменский М.И., Торп А., Уолтон С., Фет Ю., Фулсос Н., Халларокер П., Яр Э. и др.

Социологические и социолингвистические исследования нюношк:

Веста́д Й., Вигте́н Г., Вике́р Л., Грегста́д О., Хауге́н Э., Хеллеви́к О., Нурда́л А., Робе́ю А., Сани́ей Х., Венос Х. и др.

Исследования культурно-антропологического аспекта письменной культуры нюношк:

Берге Х., Бёрджесс П., Бёртнес Ю., Грегста́д О., Кулос К., Мельве Л., Монссон О., Нюрнес А., Уолтон С. и др.

Тем не менее, выбранный в данной работе исследовательский аспект ещё недостаточно изучен. Для отечественной научной традиции нюношк остаётся пока ещё *terra incognita*. Диссертация А.К. Юченковой «Плюрализм нормы норвежского литературного языка» (2008), хотя и включает в себя анализ нюношк, посвящена, тем не менее, совсем другим аспектам. Данное диссертационное исследование, таким образом, вносит свой вклад в дело культурологического изучения современного нюношк как в России, так и в самой Норвегии. Кроме этого, опыт изучения культурной политики Норвегии в отношении нюношк может быть полезен при решении соответствующих языковых вопросов в России.

Положения, выносимые на защиту:

1. Нюношк представляет собой уникальный феномен культуры Норвегии, предпосылки для возникновения которого можно найти, по крайней мере, в эпохе викингов, или в старший древнорвежский период (750-1050 гг.), начиная с которого в семиосфере Норвегии образуется семиотическая граница (запад-восток), одним из основных маркеров которой в настоящее время является нюношк.

2. Роль научной и творческой деятельности И. Осена для культуры Норвегии выходит далеко за рамки создания нюношк как лингвистического кода. Эта личность буквально изменила ход истории культуры Норвегии, положив начало письменной культуре нюношк, ставшей в итоге интегральной частью мощнейшей контркультуры Норвегии.

3. Семиотические границы письменной культуры нюношк характеризуются множественностью «переводческих фильтров» (Ю. Лотман), напрямую влияющих на организацию системы этих границ. Одновременно с этим, нюношк характеризуется высокой степенью стабильности основных своих географических, социальных и культурных границ.

4. Нюношк является интегральной частью идентичности культурного сообщества носителей этой письменной культуры, выражающейся в наборе уникальных социальных практик, среди которых следует особенно подчеркнуть: языковую манифестацию, пуризм, поддержку контркультурных движений, маргинализацию, и создание т.н. культурных доменов (в частности, сети кофеен, отелей бондов и т.п.), поддерживающих распространение и укрепление этой письменной культуры.

Научная новизна исследования. Письменная культура нюношк впервые становится предметом специального семиотико-культурологического исследования. Вводится большой фактологический материал, отражающий

динамику и современное состояние нюношк в Норвегии. Семиотическое осмысление нюношк в истории развития культуры Норвегии позволило дополнить существующий образ нюношк как лингвистического феномена целым рядом семиотико-культурологических обобщений. Такое видение проблемы письменной культуры нюношк способствовало систематизации и осмыслению большого количества разрозненного теоретического и фактологического материала, накопленного в ходе изучения данной проблематики, в рамках предпринятого исследования. Тем самым был устранен имеющийся пробел в исследованиях нюношк как феномена культуры Норвегии.

Традиция исследований письменной культуры существует во многих странах. Так, русское понятие «письменная культура» соответствует норвежскому — «skriftkultur», английскому «literacy» (или «written culture»), немецкому — «Schriftkultur», французскому — «culture écrite» и т. д. Тем не менее, в России эти исследования только начинаются, о чём, в частности, свидетельствует тот факт, что сам термин «письменная культура» не имеет ещё пока официального научного статуса.

Теоретическая и методологическая основа исследования совмещает в себе ряд подходов, важнейшими из которых являются культурологический, семиотический и социолингвистический. Хотя социолингвистика ассоциируется часто с исключительно узкими исследованиями по социологии языка, её теоретическая и практическая значимость для культурологии очевидна по ряду причин. Важнейшей из них является, пожалуй, тот факт, что в задачу социолингвистики входит исследование социальных особенностей использования языка в той или иной культуре. При этом для социолингвистики понятие «культура», которое может быть вполне заменено, к примеру, понятием «страна», характеризует скорее то, где возникла изучаемая языковая ситуация. В данной работе понятие «культура» используется скорее в его семиотическом смысле, характеризуя совокупность тех условий, или правил, в соответствии с которыми складывается эта языковая ситуация. Другими словами, культура представляет собой некое «метаправило», обуславливающее социальную организацию, понимаемую здесь в самом широком смысле. Культурология раздвигает рамки чисто социологического исследования языка, добавляя к диаде отношений язык-социум третий компонент — культуру. Таким образом, исследование семиотических правил, определяющих социальные практики по отношению к письменному языку, является основной целью предлагаемого здесь методологического подхода.

Аналогов англо-американским literacy studies, или норвежским skriftkultur forskning (исследованиям письменной культуры), — дисциплинам, занимающимся антропологическими исследованиями письменной культуры — в России пока нет. Это обуславливает необходимость поиска и интеграции нескольких исследовательских подходов, а также совмещения методологий. Научный подход в этом исследовании основывается на культурологической

парадигме, и включает в себя методы следующих дисциплин: культурологии, культурной антропологии, исследований грамотности, теории практик, семиотики и социолингвистики.

Основными методами, используемыми для анализа материала в данной работе, являются:

1. текстуальный анализ, контент-анализ;
2. анализ дискурса;
3. метод семиотического анализа;
4. метод исторического анализа.

Теоретическая значимость исследования состоит в углублении понятия «письменная культура», рассматриваемого на примере нюношк. Применяемый подход к анализу письменной культуры нюношк даёт возможность по-новому подойти к пониманию того, как именно взаимодействуют между собой человек, текст и культура. Предлагаемый в работе комплекс идей может быть использован в дальнейших научно-практических разработках, посвящённых теории и истории письменной культуры.

Практическая значимость исследования определяется сделанными в работе обобщениями и выводами, дополняющими существующее знание о стратегиях развития письменной культуры. Проработанная в исследовании методология может быть использована при анализе языковых явлений в культурном контексте с опорой на методы культурологии, семиотики и социолингвистики. Результаты исследования дают возможность научного обоснования развития современной письменной культуры нюношк. Материалы диссертационного исследования могут оказать практическую помощь в составлении учебных программ, посвящённых семиотическому осмыслению культуры XXI в. Выводы, полученные по результатам данного исследования, могут быть полезны при анализе культурной политики государства в отношении русского языка, и, возможно, миноритарных языков в России.

Апробация исследования. Наиболее важные результаты предпринятого исследования были представлены в ряде докладов на скандинавских конференциях: Второй международный семинар «Академический дискурс Северной Европы» (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 21-22 апреля 2008); Конференция «Скандинавские чтения» (Санкт-Петербург, Музей антропологии этнографии им Петра Великого РАН (Кунсткамера), при участии Санкт-Петербургского центра по изучению истории и культуры Скандинавских стран и Финляндии при Ассоциации Международного сотрудничества, а также Датского института культуры, 28-30 октября 2008); Третий международный студенческий семинар «Академический дискурс Северной Европы» (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 21-22 апреля 2009); XI Международная студенческая научно-практическая конференция «Глобальные и региональные коммуникации: настоящее и будущее» (Санкт-Петербург, СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, гуманитарный факультет); Четвёртый международный студенческий семинар «Академический дискурс Северной Европы» (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 21-22 апреля 2010). Основные положения

диссертационного исследования были также представлены на научном семинаре Института лингвистических исследований гуманитарного факультета Университета г. Осло 9 октября 2009 г.

Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 6 научных работ, общий объём которых составляет 2,4 печатных листа. Кроме того, на основе созданных автором рабочих программ отдельные результаты данного исследования были внедрены в учебный курс по норвежскому языку, читаемый на кафедре скандинавских языков РГПУ им. А.И. Герцена. Настоящая диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на кафедре теории и истории культуры РГПУ им. А.И. Герцена.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений, а также приложения, включающего в себя материалы ко всем главам исследования. Общий объём работы составляет 146 стр., включая библиографический список и приложения — 172 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, оценивается степень её научной разработанности; определяются цель, объект, предмет и задачи, теоретическая основа и методология исследования; выдвигается гипотеза; формулируются основные положения, выносимые на защиту; характеризуется источниковая база работы; раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

Первая глава — «Нюношк как феномен культуры Норвегии» — включает три параграфа.

§ 1. «Предыстория нюношк в семиотической ретроспективе». Основной задачей этого параграфа является описание предыстории нюношк в семиотической ретроспективе до 1814 г. (даты распада датско-норвежской унии) по следующим основным этапам²:

• *Старший древненорвежский период (750–1050 гг.), или эпоха викингов.* Именно с этого времени начинается анализ исторических корней нюношк в данной работе, поскольку в этот период между юго-восточной и северо-западной частями Скандинавского полуострова образуется семиотическая граница, разделяющая язык и культуру обеих частей полуострова. В последующие этапы эта граница только расширяется, охватывая всё новые системы семиосферы. Проявление этой границы демонстрируется на лингвистическом материале. Среди наиболее показательных особенностей западноскандинавских языков, в последующем повлиявших на языковую идеологию нюношк И. Осена, отмечаются следующие: сохранение т. н. старых дифтонгов — др. исл., др. норв. «steinn» («камень»; совр. нюношк «stein», совр. букмол «stein», «sten») — др. швед.,

2 Этапы выделяются в соответствии с Språk og samfunn gjennom tusen år / O. Almenningen O. et al. (red.). Oslo: Universitetsforlaget, 1981. 167 s., Ramsfjell B., Vinje F.-E. Språkkunnskap. Språkhistorie. Nortønt. Nyislandsk. Dialektar. Oslo: Aschehoug, 1978. 145 s.

др. датск. «stēn» и т. д.; т. н. преломление (иначе дифтонгизация ě), менее характерное для западноскандинавских языков: др. исл., др. норв. «ek» («я»); совр. нюношк «eg», совр. букмол «jeg») — др. швед., др. дат. «ialk»; и др. Подчёркивается, что эпоха викингов в целом — это время образования национальных государств в Скандинавии, и именно с этого периода возможным становится говорить о шведском, норвежском и датском языках, что также может считаться одним из маркеров возникшей семиотической границы, хотя её наличие довольно долго не осознавалось как существенное.

•В *младший древнорвежский период (1050–1350 гг.)*, или *Высокое Средневековье*, расширение семиотической границы приводит к «драматическому расколу» (Д. Сейп) некогда единой семиотической системы Норвегии на два противоборствующих полюса: западный (Вестланн) и восточный (Эстланн)³. В работе подчёркивается, что частая перемена политического центра (XI–XII вв. — Берген, XII в. — Нидарос, XIII в. — Берген, Нидарос, XIV в. — Тёнсберг, Осло), имела серьёзные последствия для развития всей письменной культуры Норвегии в дальнейшем. Что не менее важно, канцелярский язык, выработанный на основе западных диалектов, находился в то время в конфронтации с языком восточной части Норвегии, которая приобрела с конца XIII в. ведущее экономическое и политическое положение. Кратко характеризуются релевантные современному состоянию нюношк особенности развития лингвистической системы древнорвежского языка, среди которых выделяется удлинение старых кратких коренных слогов (в которых за кратким коренным гласным следовал краткий согласный): например, зап.-норв. *gamal* (совр. нюношк *gammal* [gamal]) — вост.-норв. *gammal* «старый» (совр. букмол *gammal*, *gammel*) и др. Именно западнонорвежский язык, представлявший собой официальный литературный язык Норвегии той эпохи, позже послужил для И. Осена первоисточником настоящего, подлинного, норвежского языка, и тем образцом, с которым он впоследствии сравнивал все норвежские диалекты в поисках «языкового субстрата» нюношк.

•*Средненорвежский период (1350–1540 гг.)*, или *Позднее Средневековье*. Это время стало началом постепенной гибели норвежской письменной культуры. При этом анализируется как действие внутренних (усиление Осло, развитие диалектальной системы Норвегии), так и внешних (активизация иностранной экспансии, деятельность Ганзы) факторов. Старая литературная норма Вестланна оказалась не способной удовлетворить возросшие потребности в коммуникации, а новый центр Норвегии (Осло), в свою очередь, не был готов «предложить» ей на смену новую норму, постепенно подпав под влияние, сначала Швеции, а потом Дании.

3 Здесь и далее — Вестланн (букв. «Западная земля») и Эстланн (букв. «Восточная земля») — западная и восточная части Норвегии соответственно.

•В датское время (конец XIV–нач. XIX в.) Норвегия вступает в унию с Данией, попадая постепенно в полную политическую и культурную зависимость от неё. Господствующее положение занимает датский письменный язык, окончательно перенимая к XVI в. функции основной письменной нормы у древненорвежского. В работе анализируются два фактора, определивших дальнейшее развитие Норвегии: (1) усиление её европейской провинциальности, и (2) формирование в городах, прежде всего, в столице, новой элиты, по сути, являвшейся датской. Показывается, что семиотическая граница в тот период начала проявлять себя в расхождении между письмом и речью, с одной стороны, а, с другой, — между культурой центра (города) и периферии (деревни).

§ 2. «Личность и семиосфера: культурная значимость деятельности Ивара Осена». Ключевой задачей данного параграфа является анализ культурологического контекста деятельности И. Осена.

Конституция 17 мая 1814 г. установила юридические рамки новой политической жизни Норвегии. В этот период противоборство между двумя полюсами норвежской семиосферы приняло форму дискуссии о том, что есть «норвежское» и «ненорвежское». Языковой вопрос состоял в том, должен ли датский язык норвегизироваться или же должен быть создан новый норвежский письменный язык. Именно эта дискуссия побудила Осена к разработке собственного плана преобразования норвежского письменного языка, который он в общем виде изложил в своей работе «Om vort Skriftsprog» («О нашем письменном языке») (1836). И. Осен писал, что его целью является не предпочесть какой-либо один диалект другому, а сделать их (т. е. диалектов) сличение базисом для нового письменного языка⁴. В диссертации кратко освещается общеевропейский контекст деятельности Осена; проводятся параллели с такими деятелями культуры, как В. Караджич (Сербия), В. Хаммерсхеймб (Фарерские острова), Э. Бен-Егуда (Израиль), и др.

В работе показывается, что цель И. Осена изначально не была только лингвистической. Языковой вопрос стал частью общего поиска норвежской идентичности в условиях, когда Норвегия фактически представляла собой две нации, две культуры, два самосознания и т. д.⁵ Ньюношк должен был стать ключом к «норвежской гармонии» в истории, и мог возникнуть только (1) как результат внутреннего противоречия, или кризиса, в семиосфере Норвегии, и (2) при помощи конкретных действий со стороны творческих личностей, главной из которых стал сам И. Осен. В диссертации анализируются методы антропологической экспедиционной работы Осена, среди которых особое место занимают включенное наблюдение и интервью. Приводятся четыре основных принципа орфографии ньюношк, разработанные Осеном: (1)

4 Aasen I. Om vort Skriftsprog (1836) // Ivar Aasen. Skrifter i samling. Med etterord av Kjell Venås. Bind I. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1996. S. 10.

5 Burgess P.J. Culture and Rationality: European Frameworks of Norwegian identity // Kulturstudier (Bergen). Nr. 17. Bergen Kristiansand, 2001. P. 44.

соответствие лексики нюношк общей лексике в диалектах, (2) принцип связи между разными словами или формами слов, (3) «принцип престижности», в соответствии с которым нюношк не должен был отличаться от датского или шведского *сверх* необходимости, (4) принцип единства нормы. Показывается, что, помимо лингвистической работы, нашедшей своё воплощение в словарях («*Ordbog over det norske Folkesprog*» («Словарь норвежского народного языка») (1850) и «*Norske Ordbog*» («Норвежский словарь») (1873)), а также в грамматиках («*Det norske Folkesprogs Grammatik*» («Грамматика норвежского народного языка») (1848) и «*Norsk Grammatik*» («Норвежская грамматика») (1864)), И. Осен издал и первые художественные тексты на нюношк, например, «*Samtale imellem to Bønder om Begivenhederne i Udlandet*» («Разговор двух бондов о событиях за рубежом») (1849), пьеса «*Ervingen*» («Наследник») (1855), сборник стихов «*Symga*» (1863) и др.

В диссертации анализируются последствия деятельности Осена для норвежской культуры, важнейшим из которых стало начало т. н. языковой борьбы (*målstriden*) во 2-й пол. XIX в. Противники нюношк в лице городской элиты рассматривали этот язык как реальную угрозу той «высокой» (элитарной) культуре и образованию, за которые они выступали. В то же время городская интеллигенция, главным образом, Осло, Бергена и Тронхейма, а также т. н. народные интеллектуалы, выступили с поддержкой нюношк. Среди наиболее значительных фигур в истории раннего языкового движения выделяется поэт и журналист О. Винье (1818-1870), осенью 1858 г. начавший издавать первую газету («*Dølen*») на нюношк. К концу 1870-х гг. языковое движение в поддержку нюношк было возглавлено известным писателем А. Гарборгом (1851-1924), в 1877 г. опубликовавшим работу «*Den nynorske Sprog- og Nationalitetsbevægelse*» («Новонорвежский язык и национальное движение»), воспринятую как «библия нюношк» (П. Халларокер).

В работе также освещается начало институализации письменной культуры нюношк во 2-й пол. XIX в. Для анализа этого процесса вводится уточняющий термин «культурный институт», указывающий на культурологическую составляющую языкового движения. Помимо таких известных организаций, как *Vestmannalaget* в Бергене и *Det Norske Samlaget* в Осло, открывшихся в 1868 г., к культурным институтам нюношк в диссертации также относятся издательства, языковые конторы, библиотеки, молодёжные организации (в частности, театры), кофейни и отели бондов, ставшие одновременно (1) материальной и (2) «культурной» базой нюношк. Параграф резюмируется выводом о том, что вклад личности И. Осена в преобразование семиосферы Норвегии имел для неё глобальные последствия. Эта личность смогла дать традиционной культуре крестьян свой язык, благодаря которому она обрела новую силу выражения, став впоследствии одной из контркультур Норвегии.

§ 3. «Вектор развития нюношк в XX веке». Задачей этого параграфа является освещение вектора развития письменной культуры нюношк в XX в. Приоритетными являются вопросы институализации нюношк, а также важнейшие черты языковой политики Норвегии в то время.

Процесс институализации нюношк продолжился в XX в. ускоренными темпами по своей основной схеме: функциональное ответвление нового культурного института в зависимости от решаемой с помощью него задачи. 5 февраля 1906 г. в Кристиании открылась одна из основных организаций нюношк — Noregs Mållag (Норвежское Языковое Общество). Объединив региональные ассоциации нюношк в общей работе, эта организация преследовала основную цель: добиться большей политической поддержки новой письменной культуры. 22 ноября 1912 г. также в Кристиании по инициативе Х. Гарборг открылся Det Norske Teater (Норвежский Театр), основным языком которого стал нюношк. Но открытие подобных институтов, тем более в столице, не могло остаться без внимания сторонников букмола, реакция которых в диссертации анализируется по материалам прессы. Способом противодействовать распространению нюношк стала организация культурных институтов букмола. В 1907 г. в столице была открыта Riksmålsforbundet (Организация Риксмола), которую возглавил Б. Бьёрнсон. В работе подчёркивается лояльность «раннего Бьёрнсона», бывшего членом в Vestmannalaget, идее нюношк. Процесс возникновения новых институтов обеих письменных культур происходил симметрично по общей схеме: «вызов—ответ». При этом социальное пространство Норвегии разделялось на сферы, где доминировала та или иная письменная культура.

Языковой конфликт, что подчёркивается в работе, никогда не перерастал в Норвегии в конфликт силовой. Основным средством борьбы стал сам язык. Обе стороны развернули друг против друга «текстуальную войну». В качестве одного из примеров проявления таковой в работе приводится текст информационной брошюры «Hvorfor velge riksmål for våre barn?» («Почему мы выбираем риксмол для наших детей?»), выпущенной Riksmålsforbundet в 1961 г., в которой говорилось о том, что букмол — это городской язык, и поэтому более целесообразен в эпоху, когда современная городская культура всё больше пронизывает норвежское общество⁶. В диссертации также анализируется роль прессы как средства языковой борьбы, так и важнейшего фактора формирования идентичности сообществ обеих письменных культур. Рассматривается и тот факт, что лингвистические аргументы в борьбе сторонников двух письменных культур найти не так легко. Сторонники букмола апеллировали, прежде всего, к «культурной отсталости» и неразвитости нюношк, а не к его проблемам как лингвистической системы. Многие из сторонников букмола, в частности Б. Бьёрнсон, были не против использования нюношк, или диалектов, например, в художественной литературе (при описании традиционной крестьянской жизни, природы Норвегии и т. д.), но использование нюношк как единственного национального языка оказалось для них неприемлемым. Главным последствием «текстуальной войны» стал выбор человеком того или иного языкового варианта.

6 Цит. по: Almenningen O., Lien A. Striden for nynorsk bruksmål: ei lita målreisingssoge. Oslo: Det Norske Samlaget, 1978. S. 44.

Политической партией, активно поддерживающей нюношк, была Venstre (Партия Левых), одной из главных законодательных инициатив которой стало введение обязательного письменного задания (эссе) на нюношк на *examen artium*⁷ в 1906 г. Языковая политика государства на протяжении всего XX в. включала в себя два магистральных направления: (1) урегулирование отношений букмола и нюношк, и (2) попытку создать общенорвежский язык. В период с 1907 по 1959 гг. силы государства были направлены на сближение букмола и нюношк на основе диалектов наиболее заселённой части Норвегии, т. е. Эстланна, и, как результат, на создание единого языка — самношк («общенорвежский»). Ключевым инструментом в этом процессе стали орфографические реформы. В работе рассматриваются наиболее важные последствия реформ букмола и нюношк 1907, 1917, 1938 гг., выразившиеся, для букмола, в том, что этот письменный язык значительно отошёл от датской орфографии, а, для нюношк, — в том, что этот язык стал больше базироваться на диалектах, чем на первоначальных принципах Осена. В диссертации освещается движение за диалекты, усилившее своё влияние с 1970-х гг. Подчёркивается разница в подходе к диалектам И. Осена, выступавшего за единство письменной нормы, и тех, кто проводил дальнейшие реформы нюношк, отдавая предпочтение многообразию. В связи с проектом самношк в работе кратко характеризуется деятельность Norsk Språknemd (Норвежской Языковой Комиссии) и сменившего её Norsk Språkrådet (Норвежского Языкового Совета). Делается вывод о том, что несмотря на все сложности реформ норвежского языка, их отнюдь нельзя считать провальными. Тем не менее, охрана семиотических границ обеих письменных культур оказалась для их носителей всё же важнее, чем создание единого норвежского языка.

В выводах к первой главе указывается, что нюношк, как, впрочем, и букмол, не является только вариантом норвежского языка, но несёт в себе гораздо более глубокий, культурный, смысл. За время своего появления и развития на протяжении ~160 лет ему удалось добиться главного: стать полноценной письменной культурой Норвегии, одним из полноправных языков её семиосферы. Нюношк собрал вокруг себя собственное культурное сообщество, став неотъемлемой частью его идентичности, и хорошо институализировался в обществе.

Вторая глава — «Социальное пространство нюношк: внутренние и внешние границы» — включает три параграфа.

§ 1. «Языковой хаос или многообразие вариантов: проблема устойчивости нюношк». Для анализа нюношк как современной письменной культуры в начале данного параграфа вводится понятие «культурное сообщество нюношк», являющееся модификацией термина «языковое сообщество», введённое Дж. Гамперцом. Это понятие включает в себя, помимо социологического и лингвистического компонентов, третий —

⁷ *Examen artium* — так называлась система академической аттестации студентов в Норвегии, подтверждавшая их готовность к учебным программам университета.

культурологический, что позволяет учитывать одновременно две пары взаимосвязей: (1) язык-общество и (2) язык-культура. Распределение материала второй и третьей глав отражает, таким образом, деление понятия «культурное сообщество» на два семантических слоя — (1) «социальный» и (2) «культурный». Основной задачей этого параграфа является исследование проблематики границы языкового сообщества нюношк.

Понятие границы используется в данной работе в его семиотическом смысле: как сумма билингвальных переводческих «фильтров», переход сквозь которые переводит текст на другой язык (или языки), находящиеся вне данной семиосферы (Ю. Лотман). Таким образом, нюношк рассматривается как одна из подсистем семиосферы Норвегии. В работе показывается, что на протяжении значительного отрезка времени в Норвегии, как и в подавляющем большинстве других стран, складывалась многоязычная культура. С той или иной степенью интеграции в неё взаимодействовали различные диалекты норвежского, латинский, шведский, нижненемецкий, датский и ряд других языков. Вследствие этого семиосфера Норвегии оказалась насыщенной различными языками, которые обладают там довольно высоким статусом. Диалог между этими семиотическими системами шёл настолько интенсивно, что это привело к образованию т.н. «пограничных зон», т.е. внутри письменной культуры Норвегии, и нюношк в частности, можно увидеть наличие большого количества внутренних границ, образовавшихся в результате интенсивного процесса взаимообогащения различных письменных культур. При этом нюношк отличает наличие большего числа внутренних границ по сравнению с букмолем, что можно объяснить тем, что эта письменная культура изначально имеет более сильные связи с норвежскими диалектами, оказавшими, тем не менее, влияние на становление обеих письменных норм. В работе также анализируется феномен полукommunikации (Э. Хауген) в отношении норвежского, шведского и датского языков, с приведением конкретных статистических данных; в связи с сосуществованием нюношк и букмола кратко освещается проблема определения статуса национального языка.

На конкретных примерах (материалах собственных и чужих включённых наблюдений, словарных статей, отрывков из песен и газет и др.) анализируются два типа суждений относительно устойчивости письменной культуры Норвегии в целом, и нюношк в частности: (1) «языковой хаос» (А. Ливанова, Н. Мечковская, М. Стеблин-Каменский и др.) и (2) «языковая демократия» (Ю. Бёртнес, О. Грестад, П. Халларокер и др.). Суть первого из них можно изложить так: нестабильность письменной культуры Норвегии является следствием её большой вариативности, что, в свою очередь, оборачивается для неё проблемой, т.к. стирание языковых границ приводит к размытости её нормы. Суть второго заключается в том, что нестабильность письменной культуры Норвегии связана с историческими условиями развития её языка, а размытость письменной нормы на практике представляет собой осуществление демократии в области культурной и языковой политики,

направленной на сохранение всех возможных языковых вариантов как культурного наследия. В связи с последним в диссертации также освещается проблема соотношения понятий «диалект на письме» и «смешанный язык».

Параграф резюмируется выводом о том, что письменная культура Норвегии, и нюношк в частности, представлена множественностью вариантов, что способствует появлению своеобразных «пограничных зон». Жители Норвегии, таким образом, постоянно пребывают в пространстве, где между собой взаимодействуют различные языки и культуры, что отнюдь не мешает процессу коммуникации.

§ 2. «География распространения нюношк в социальном пространстве». Задачей этого параграфа является анализ социальной географии нюношк.

Согласно последним данным, нюношк используют чуть менее 12% населения Норвегии (т. е. около 550 000 человек)⁸. Но, как это показывается в диссертации, норвежцы в Норвегии не являются единственными, кто может использовать нюношк. Во-первых, как показывает исследование П. Халларокера⁹, небольшой процент носителей нюношк может быть в США. Во-вторых, необходимо учитывать как иммигрантов в саму Норвегию, так и те этносы, которые живут в Норвегии исторически, например, саамов¹⁰. Основными «нюношк-коммунами», т. е. коммунами, где нюношк доминирует и используется как административный язык, являются (по убыванию): Согн-ог-Фьоране, Хордаланн и Мёре-ог-Румсдал. «Географический оплот» нюношк, таким образом, до сих пор находится в сельских районах западной Норвегии и в смежных с ними районах (в основном в горных долинах в центре южной Норвегии). Такое географическое положение традиционно характеризует связь нюношк с прибрежной и сельской культурой этой страны. В связи с процентным соотношением количества носителей букмола и нюношк (88% против 12%) отдельно рассматривается проблема миноритарности нюношк и асимметричность в определении его официального и реального статуса. Делается вывод о том, что полемика в отношении статуса нюношк зачастую является практикой языковой борьбы наравне с другими. Одним из последствий такой практики может быть дискриминация нюношк, примеры которой приводятся из сфер образования и СМИ.

Города по-прежнему остаются резистентными к нюношк, хотя во многих небольших городах в Вестланне (центрах электро-химической или электро-металлургической промышленности) нюношк занимает довольно сильные социальные позиции. В связи с этим отмечается основополагающая роль столицы Норвегии, которую та сыграла в истории этой письменной культуры с самого начала. Именно здесь изначально создавались такие важные для нюношк культурные институты, как Det Norske Samlaget, Noregs Mållag, Det Norske Teater и многие другие. Открытие в 2000 г. в Волде (Вестланн) Ivar

8 Språkfakta, 2010 / Grepstad O. (red.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aasentunet.no/default.asp?menu=4395> (дата обращения: 15.05.2010).

9 Hallaråker P. The Nynorsk language in the United States. Oslo: Universitetsforlaget, 1991. 165 p.

10 Классический пример — саамы в Финнмарке.

Aasen-tunet (Музея-усадьбы Ивара Осена) стало, по сути, появлением первого крупного культурного института нюношк за пределами столицы.

Для того, чтобы лучше понять позиции нюношк в современном норвежском обществе в диссертации кратко рассматривается ряд наиболее важных для любой письменной культуры социальных сфер: школа, политика, СМИ, литература и церковь.

Школа. На сегодняшний день ~13,6 % норвежских школьников (начальная ступень; 1-7 классы) изучают нюношк как основной письменный вариант¹¹. Этот процент понизился по сравнению с предыдущими годами. Наивысшим он был в 1944 г. (34%).

Позиции нюношк в *политике и бюрократии* довольно слабые, несмотря на целый ряд законов, направленных на поддержку этого языка (в частности, законы 1930, 1980 гг. об использовании языка на государственной службе). Политическая элита, главным образом, в лице городской буржуазии: (1) настроена против нюношк, и (2) часто недостаточно компетентна в нём¹². На сегодняшний день (05.07.2009) порядка 27% (~1/4) всех коммун Норвегии используют нюношк, 36% — букмол и 37% — нейтральные.

Положение письменной культуры нюношк в *СМИ* неоднозначно. С одной стороны, его нельзя назвать сильным, т.к. в этой сфере традиционно доминирует букмол. Тем не менее, на современном этапе развития нюношк отчётливо наблюдается увеличение числа издаваемых на этом варианте как печатных, так и электронных изданий. Причём издания эти в основном региональные. Таким образом, можно сказать, что на национальном уровне доминирует букмол¹³, а на региональном уровне нюношк, а также диалекты, занимают весьма устойчивую позицию.

Одной из тех сфер, где нюношк всегда занимал довольно сильные позиции, является искусство, и, прежде всего, *литература* (особенно поэзия) и театр. Но, как это показывается в работе, сильные позиции нюношк в литературе, как это ни парадоксально, могут одновременно создавать угрозу для этой письменной культуры, заключающуюся в том, что нюношк рискует оставаться языком искусства (что в данном случае означает «искусственным языком») до тех пор, пока его позиции как *языка повседневности*, особенно за границей Вестланна, остаются слабыми.

Церковь, как это показывается в диссертации, традиционно является тем местом, где нюношк и букмол занимают практически равное положение. В 2009 г. из 1260 приходов Норвегии 383 (30,4%) проводили службу на нюношк. Для сравнения — в 1909 г. только 14 из 974 (1,4%) приходов проводили службу на нюношк¹⁴.

11 Språkfakta, 2010 / Grepstad O. (red.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aasentunet.no/default.asp?menu=4395> (дата обращения: 15.05.2010).

12 Vikør L.S. The Nordic Languages. Their Status and Interrelations. Oslo, 1995. P. 97.

13 В настоящее время в Норвегии не существует национальной ежедневной газеты на нюношк, хотя таковая была в первой трети XX в.

14 Språkfakta, 2010 / Grepstad O. (red.) [Электронный ресурс]. URL:

§ 3. «"Социальный портрет" носителя нюношк». Задачей этого параграфа является анализ социальной корреляции индивидуального использования языка.

В диссертации анализируются данные социологического исследования, проведённого Riksmålsforbundet в 2005¹⁵ г. Тогда с помощью метода телефонного интервью было опрошено 4037 норвежцев с целью выяснить, какой письменный вариант они используют в приватной сфере. В Приложении к диссертации приводится сводная таблица полученных результатов.

Как показывают результаты исследования Riksmålsforbundet, процент использования нюношк мужчинами и женщинами почти одинаков. Тем не менее, статистические данные демонстрируют, что по сравнению с женщинами на 0,6 % больше мужчин используют нюношк, и, что характерно, на 1,1% меньше мужчин используют букмол. Кроме того, мужчины чаще используют оба письменных варианта, чем женщины. Анализ связи языка и гендера на материале норвежского языка подтверждает маскулинность письменной культуры нюношк, хотя отмечается и тот факт, что в последние годы роль женщины в языковом и культурном движении нюношк заметно возросла (О. Грепстад, С. Уолтон, и др.).

Анализ возрастных данных респондентов показывает, что среди носителей нюношк преобладают либо молодые (15-29 лет), либо пожилые (старше 60 лет) люди. Норвежцев среднего возраста (30-59 лет) среди носителей нюношк заметно меньше по сравнению с носителями букмола. Таким образом, наблюдается своеобразный «возрастной провал» (30-59) среди представителей языкового сообщества нюношк. Возможная причина такого «провала», как показывается в работе, может быть связана с тем фактом, что многие молодые люди меняют нюношк на букмол в средней школе, особенно в профессиональном профиле. Это явление получило название «утечка нюношк» («nyporske lekkasjen»). «Утечка нюношк» имеет много причин, главной из которых можно считать слабое положение нюношк как повседневного языка, особенно за границей Вестланна (О. Грепстад). В работе также анализируются данные, касающиеся отношения к нюношк молодёжи, свидетельствующие в целом о положительном отношении этой возрастной группы к нюношк.

Данные Riksmålsforbundet позволяют выявить тенденцию уменьшения процента носителей нюношк по мере повышения уровня образования. Ситуация с языковым сообществом букмола выглядит прямо противоположной. Тем не менее, как это показывает более детальный анализ, данные только исследования Riksmålsforbundet не показывают целостной картины. Так, в качестве важного дополнения к данным этого исследования,

<http://www.aasentunet.no/default.asp?menu=4395> (дата обращения: 15.05.2010).
¹⁵ Результаты этого исследования были впервые опубликованы (10.09.2009) в Språkfakta, 2010 / Greppstad O. (red.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aasentunet.no/default.asp?menu=4395> (дата обращения: 15.05.2010).

освещается та роль, которую в развитии письменной культуры нюношк играют интеллектуалы.

Среди сфер занятости, лидирующих у носителей нюношк, по результатам исследования Riksmålsforbundet, оказалась работа на дому. Показательно, что процент работающих в государственных структурах носителей нюношк больше, чем среди носителей букмола. Наконец, как этого и следовало ожидать, большинство информантов-носителей нюношк проживают в Вестланне (21,3%). Больше всего носителей букмола из Осло и Акерсхуса (95,7%), в Вестланне их меньше всего (64,4%).

Параграф резюмируется сводным анализом вышеприведённых данных, дополненных материалами других источников, на основе которых выстраивается вполне определённый и достоверный «социальный портрет» современного носителя нюношк.

В выводах ко второй главе говорится о том, что современная письменная культура нюношк стабильна. Эта стабильность видна, во-первых, на географии распространения нюношк, которая мало изменилась со второй половины XIX в., когда И. Осен создавал нюношк. Во-вторых, на интегрированности нюношк в норвежское общество. Анализ позиций нюношк в ряде социальных сфер Норвегии выявляет его устойчивое положение. Это положение может быть слабым, как, например, в политике или СМИ, или же сильным, как, например, в искусстве или церкви, но оно всегда *стабильно*. Наконец, в-третьих, стабильность нюношк обеспечивается существованием культурного сообщества с особой идентичностью. Первоначально именно родители решают, какой язык будут учить их дети в школе. Этот выбор, конечно же, определяется целым рядом причин, но не в последнюю очередь на него влияет культура нюношк, передающаяся в этом сообществе из поколения в поколение.

Третья глава — «"Нюношкланн": культурное сообщество нюношк» — включает два параграфа.

§ 1. «Языковой раскол культуры Норвегии: проблема идентичности сообщества нюношк». Задачей данного параграфа является анализ культурной идентичности носителей нюношк. Этот анализ производится на двух уровнях: (1) внешнем (национальный уровень, сторонники букмола) и (2) внутреннем (носители нюношк), определяющих позицию того, кто устанавливает, поддерживает, или просто разделяет систему различий, формирующую эту идентичность. Применяемый в исследовании семиотико-прагматический подход, делает возможным анализ идентичности носителей нюношк, используя понятие семиотической границы. Таким образом, под культурной идентичностью сообщества нюношк понимается осознание и, что не менее важно, манифестация семиотической границы этой письменной культуры её носителями.

Внешний уровень идентичности носителей нюношк. Важнейшей объединяющей силой культурного сообщества нюношк является общий код. Именно язык, в его лингвистическом понимании, лежит в основе разделения общенорвежской идентичности на национальном уровне. Две языковые

идентичности, образующиеся в результате такого разделения, являются, в свою очередь, частями собственных культурных идентичностей. Иными словами, языки в данном случае являются маркерами двух различных культур — букмола и нюношк. В работе показывается, что естественным коммуникативным механизмом в семиосфере Норвегии является не диалог, а борьба двух языковых культур, и что их противостояние — это не только своеобразный «двигатель» семиосферы, но и ключ к пониманию национального самосознания этой страны в целом. Делается вывод о том, что до тех пор, пока букмол и нюношк, как две контркультуры, обеспечивают свою основную коммуникативную функцию (состоящую, однако, не только в передаче информации), не перерождаясь в антикультуры, они остаются по сути двумя сторонами единого, связанного механизма; его синхронной структуры. И, следуя Ю. Лотману, утверждается, что агрессивность одной контркультуры отнюдь не заглушает, а, напротив, стимулирует развитие противоположной. Формирование культурной идентичности сообщества нюношк рассматривается симметрично с формированием таковой сообщества букмола, что представляется в работе в виде модели из двух пар бинарных оппозиций — (1) консерватизм-модернизм и (2) уникальное-глобальное. В работе показывается, что маркеры внешней идентичности культурного сообщества нюношк на современном этапе мало отличаются от таковых во 2-й пол. XIX в.: типичный представитель культурного сообщества нюношк для сторонников букмола — это (1) сельский житель, как правило, бонд, отличающийся (2) «низкой образованностью», «старомодностью», «глупостью» и «недалёкостью»¹⁶. Анализ внешнего уровня идентичности носителей нюношк завершается выводами о том, что для носителей букмола, нюношк — это не просто язык, а маркер соответствующей культуры, представление о которой зачастую строится на не вполне адекватном реальности стереотипе о её «сельскости».

Внутренний уровень идентичности носителей нюношк. Анализ начинается с критического обзора классификации О. Грестада, выделяющего три категории носителей нюношк в зависимости от силы проявляемой ими идентичности: (1) активисты нюношк, (2) пользователи нюношк, и (3) симпатизирующие нюношк. Данная классификация выстраивается Грестадом только на языковых практиках носителей нюношк, в связи с чем предлагается учитывать более широкий набор социальных практик носителей нюношк, совместив прагматический и семиотический подходы, т. к. социальные практики в целом — это ключ к пониманию той культурной идентичности, интегральной частью которой является нюношк. И здесь выделяется необходимость учитывать два уровня этой культурной идентичности.

Публичный уровень идентичности является результатом работы активистов и различных культурных институтов этой письменной культуры. В качестве примера проявления такой идентичности рассматривается

16 Råbu A.-B. To ulike norskfag? : En undersøkelse av holdningene til nynorsk som sidemål blant elever i ungdomsskolen og den videregående skolen. Hovedoppgave i nordisk språk og litteratur. Institutt for nordistikk og litteraturvitenskap. Oslo: Universitetet i Oslo, 1997. 159 s.

употребление активистами нюношк таких квазитопонимов как «Нюношкланн» («Страна Нюношк» и «Букмолланн» («Страна Букмола»), указывающих на существование в Норвегии особой области с чёткими культурными границами. В связи с этим анализируются региональные позиции нюношк и та роль, которую Ivar Aasen-tunet играет для создания и поддержки публичного уровня идентичности носителей нюношк.

Приватный уровень идентичности носителей нюношк соответствует тому, какой она предстаёт в повседневной реальности самих её носителей. В связи с этим анализируются данные двух важнейших для понимания этой проблематики исследований: А. Нюрнес¹⁷ и О. Хеллевика¹⁸, основные выводы которых, с учётом ряда других материалов, позволяют утверждать, что носители нюношк, помимо «социологического», имеют также ярко выраженный «культурологический портрет». Так, приватная идентичность соответствует «идентичности романтического национализма» с чёткой взаимосвязью между «народом, духом, языком и нацией» (А. Нюрнес). Кроме того, эта идентичность связана с рядом контркультурных движений, помимо языковой борьбы, важнейшими из которых являются: мирянство (тесно связано с хаугеанством), абстинентство (воздержание от употребления алкоголя), контрдвижение противников централизации (а также урбанизации) и вступления Норвегии в Евросоюз. Кроме того, показывается, что среди носителей нюношк преобладают люди с традиционалистским, идеалистическим и радикальным восприятием жизни. Параграф заканчивается выводом о том, что письменная культура нюношк демонстрирует как уникальность идентичности своих носителей, так и высокую степень стабильности маркеров этой идентичности.

§ 2. «Социальные практики носителей нюношк». Задачей этого параграфа является анализ уникальных практик, свойственных носителям нюношк. Используемый в диссертации теоретический подход к социальным практикам во многом схож с методом, применяемым М. Фуко в работе «Археология знания»: тексты на нюношк рассматриваются здесь не как информационные ресурсы (т. е. как документальные свидетельства какого-либо события), а как события, как некая трансформация реальности¹⁹. Центральным событием, осуществляемым при помощи нюношк, можно считать проявление идентичности его носителей. Выбор нюношк, как это показывается в работе, — это не просто выбор языка, а, прежде всего, выбор культурной идентичности; выбор той традиции письменной культуры, с которой человек желает себя идентифицировать.

В диссертации кратко освещается развитие практик чтения в Норвегии в XVIII в., что позволяет лучше понять становление письменной культуры в среде

17 Nyrnes A. Det (ny)norske mennesket: ein litterær analyse av familiebladet For bygd og by. Oslo: Det Norske Samlaget, 1985. 154 s.

18 Hellevik O. Nynorskbrukaren — kven er han? // Kampen for språket: Nynorsken mellom det lokale og det globale / Bakke E. og Teigen H. (red.). Oslo: Det Norske Samlaget, 2001. S. 117-140.

19 Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик (Прагматический поворот). — СПб: Издательство ЕУ, 2008. — С. 161.

норвежских крестьян. Показывается, что развитие грамотности с конца XVIII в. затронуло все слои общества без исключения. Согласно современным данным, к началу XIX в. 70-80% взрослого населения Норвегии умели читать, и 12-24% умели писать²⁰. Этому способствовало не только наличие книг, но и относительная их доступность для простых людей. Так, первые две библиотеки были открыты в Университете Тронхейма (1766) и в Осло (1785). В 1797 г. в Эрсте, Вестлани, недалеко от того места, где родился И. Осен, С. Орфлотом была также открыта библиотека. Первые четыре типографии возникли в Кристиании (1643), Бергене (1721), Тронхейме (1739) и Кристиансанне (1780). Показательно, что появление пятой по счёту типографии произошло в Эксете (Эрста), что также было связано с именем С. Орфлота. Рассмотрение истории развития практик чтения в Норвегии завершается выводом о том, что грамотность среди бондов, в частности в Вестлани, была одним из приоритетных навыков, по крайней мере, начиная с XVIII в., который во многом способствовал институализации и развитию письменной культуры Норвегии в целом. Показывается, что именно благодаря наличию практик письменной культуры и институтов её развития (библиотеки, школы, и т.д.) происходило формирование слоя народных интеллектуалов, к которым принадлежал также И. Осен, сыгравший впоследствии ключевую роль в поддержке, развитии и распространении нюношк. Сельская библиотека, а также домашнее книжное собрание, стали тем местом, где сформировался народный интеллектуал, который, как это показывается в диссертации, только и смог впоследствии бросить вызов букмолу.

В качестве уникальных социальных практик носителей нюношк в диссертации анализируются следующие:

*Диглоссия*²¹ (Ч. Фергюсон). Носители нюношк, находясь, как правило, в «пространстве букмола», часто оказываются в ситуации, когда они используют букмол в публичной сфере (главным образом, на работе) как «высокий язык», и, наоборот, — почти никогда не использует его в приватной сфере (общение с родными, друзьями и т.д.), предпочитая ему нюношк²². Таким образом, диглоссия разделяет языковые практики отдельного человека в зависимости от того, в каком социальном пространстве — приватном или публичном — он находится.

Манифестация культурной идентичности. В работе показывается, что выражение собственной идентичности при помощи нюношк по сути является метапрактикой, или универсальным компонентом любой практики носителя этой письменной культуры. И отличие носителей нюношк от носителей букмола заключается, в том числе, в том, что практики манифестации собственной

20 Fet J. Skrivande bønder: skriftkultur på Nord-Vestlandet 1600-1850 (With Summary in English). Oslo: Samlaget, 2003. 435 s.

21 Проблема диглоссии требует дополнительных исследований, т.к. данных для того, чтобы сделать однозначные выводы, пока ещё недостаточно. Тем не менее, некоторые признаки диглоссии всё же можно обнаружить в отношении практик использования нюношк.

22 Или, что наиболее вероятно, диалект, который может быть так или иначе близок нюношк.

идентичности у носителей нюношк не являются фоновыми, т. е. используются интенционально. В связи с этой проблематикой анализируются рекламные материалы компаний Lerum и Fjord1, профилирующих себя на нюношк.

Пуризм также рассматривается в диссертации как своеобразная практика «защиты» нюношк от «чуждых» ему лингвистических элементов. Таковыми для нюношк являются слова и морфологические элементы, прежде всего, из нижнемецкого и датского языков, проникновение которых в норвежский язык началось в Позднее Средневековье и датское время. Показывается, что отнесение лингвистических элементов к «чужеродным» в нюношк является идеологически обусловленным. В связи с этим кратко рассматривается пласт русских лексических заимствований в норвежском языке.

Ещё одной специфической практикой носителей нюношк является *создание т. н. культурных доменов*, т. е. тех пространств, в которых нюношк используется как основной язык. Пожалуй, наиболее известным таким местом стал в своё время Det Norske Teatret. Менее известным, но отнюдь не менее показательным, примером являются кофейни. В работе показывается, что распространение кофе в Норвегии было тесно связано с усилением позиций нюношк как языка повседневности. Во-первых, кофейни стали по сути первыми местами встреч интеллигенции в городах. Во-вторых, в кофейнях нюношк использовался как основной язык; таким образом, они стали первыми культурными доменами практик нюношк как повседневного норвежского языка в городах.

Третья глава завешается выводом о том, что на протяжении всего периода своего развития нюношк демонстрирует тесную связь с определённым сообществом, интегральной частью культурной идентичности которого он является. Помимо наличия идентичности, сочетающей в себе региональный и национальный компоненты, культурное сообщество нюношк отличает и ряд уникальных социальных практик, свойственных носителям именно этой письменной культуры.

В **Заключении** подводятся основные итоги и формулируются обобщающие выводы предпринятого исследования.

I. Нюношк представляет собой уникальный феномен культуры Норвегии, предпосылки для возникновения которого можно найти, по крайней мере, в эпохе викингов, или в древнорвежский период (750-1050 гг.), начиная с которого в семиосфере Норвегии образуется семиотическая граница, одним из основных маркеров которой в настоящее время является нюношк.

II. Роль научной и творческой деятельности И. Осена для семиосферы Норвегии выходит далеко за рамки создания нюношк как лингвистического кода. Эта личность буквально изменила ход истории культуры Норвегии, положив начало письменной культуре нюношк, ставшей в итоге интегральной частью мощнейшей контркультуры.

III. «Семиотические границы» письменной культуры нюношк характеризуются множественностью «переводческих фильтров» (Ю. Лотман),

напрямую влияющих на организацию системы этих границ. При этом нюношк характеризуется высокой степенью чёткости основных своих географических, социальных и культурных границ.

IV. Наконец, но не в последнюю очередь, нюношк является интегральной частью идентичности культурного сообщества носителей этой письменной культуры, выражающейся в наборе уникальных социальных практик, среди которых следует особенно подчеркнуть: языковую манифестацию, пуризм, поддержку контркультурных движений, маргинализацию и создание т. н. культурных доменов (в частности, сети кофеен, отелей бондов и т. п.), поддерживающих распространение и укрепление этой письменной культуры.

Список публикаций по теме диссертации

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Домрачев Д.С. Русские лексические заимствования в норвежском языке // Академический дискурс Северной Европы. Материалы Второго международного семинара. Санкт-Петербург, 21-22 апреля 2008. — СПб: Издательство «Европейский дом», 2009. — С. 131-137. (0,4 п.л.).

2. Домрачев Д.С. Изучение письменной культуры: к постановке проблемы // Культурогенез и культурное наследие (Культурологические исследования'09): Сборник научных трудов. — СПб: «Астерион», 2009. — С. 27-33. (0,4 п.л.).

3. Домрачев Д.С. Культурная значимость деятельности Ивара Осена // Историография и источниковедение в культурологическом исследовании (Культурологические исследования'10): Сборник научных трудов / Под науч. ред. Л.В. Никифоровой и А.В. Коневой — СПб.: Астерион, 2010. (май). — С. 136-142. (0,4 п.л.).

4. Домрачев Д.С. Языковой раскол культуры Норвегии и проблема идентичности сообщества нюношк // Гуманитарное знание: сб. науч. ст. / Под общ. ред. В.Г. Егоркина. — Вып. 14. — СПб.: Астерион, 2010. (май). — С. 3-12. (0,6 п.л.).

5. Домрачев Д.С. Концептуализация понятия «письменная культура» и особенности его изучения в Норвегии // Вопросы культурологии. — 2010. — №5. (май). — С. 21-24. (0,4 п.л.).

6. Домрачев Д.С. Место нюношка в современном социолингвистическом профиле Норвегии // Материалы третьего международного студенческого семинара. Санкт-Петербург, 21-22 апреля 2009. — СПб: Издательство «Европейский дом», 2010. (июнь). — С.38-41. (0,2 п.л.).

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Заказ № 268. Подписано в печать 21.09.2010 г. Бумага офсетная.

Формат 60x84¹/₁₆. Объем 1,5 п. л. Тираж 130 экз.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, тел. /факс (812) 275-73-00, 970-35-70

asterion@asterion.ru

23